

ЗОНА ВЫЖИВАНИЯ

В ОДНОМ ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ МЕСТ НА ЗЕМЛЕ, ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ 30-КИЛОМЕТРОВОЙ ЗОНЫ ВОКРУГ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС, ЖИВУТ ЛЮДИ. У НИХ ЕСТЬ РАБОТА, ЗАРПЛАТА, БОЛЬНИЦА, ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ, СТОЛОВАЯ, КАФЕ, СПОРТЗАЛ. А ЕЩЕ У НИХ ЕСТЬ ОЩУЩЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ. ИХ ЖИЗНЬ СТРОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНА, А ПОТОМУ ПОНЯТНА И ПРОСТА

Текст
ДИНА БАБАЕВА

Фото
ДЕНИС СИНЯКОВ

На улицах Чернобыля безлюдно, нет рекламы и пестрых вывесок, но свежеевыкрашенные пятиэтажки, ухоженные клумбы и побеленные бордюры выдают присутствие людей в городе. В отремонтированных пятиэтажках-общежитиях живут сотрудники предприятий. Они работают вахтовым методом: 15 дней в зоне, 15 у себя дома на «большой земле» — так местные называют все населенные пункты за пределами зоны. Задерживаться на территории больше этого срока запрещено из соображений безопасности — от радиации надо «отдыхать». Закон не писан только самоселам — людям, вернувшимся в свои деревни и села после аварии. В 1988 году количество самоселов достигало 1245 человек. Сегодня осталось около 120 стариков в 11 деревнях.

Десяток контрольно-пропускных пунктов регламентируют въезд в черную зону и выезд из нее

В здании бывшего кинотеатра «Украина» в Чернобыле к 25-летию трагедии был открыт мемориальный музей «Звезда Полесья». На его наружных стенах изображены аисты Полесья, разлетающиеся на фоне ядерного взрыва

На улицах в центре Чернобыля машины появляются нечасто. Скоростное ограничение сохранилось с первых дней аварии, когда старались ездить осторожно, чтобы поднимать меньше радиоактивной пыли с земли. Сегодня ограничение соответствует ритму чернобыльской жизни, где никто никуда не спешит — все подчинено четкому графику, который люди спокойно соблюдают

Баба Ганна на жизнь не жалуется: «Здесь у меня родина, дом. И крыша над головой есть, и здоровье. Тут и умирать не страшно. А жила бы в казенной квартире, где заняться нечем, давно бы уже не было меня»

Село Куповатое, 30 км до ЧАЭС

**ЗВЕЗДА ЧЕРНОБЫЛЯ
АННА ЗАГОРОДНЮК
(БАБА ГАННА), 83 ГОДА**

— Да стара я уже для звезды-то! Просто гостям рада, двери всегда открыты. Журналисты часто приезжают, я им о своей жизни рассказываю, а они пишут. Туристы тоже заходят, пообщаться хотят. Я их кормлю, пою — картошечка, огурчики соленые, сало и самогон всегда припасены. Недавно два немца заезжали, я их дрова колоть заставила: а что, пусть помогают. Других помощников у меня нет: живем вдвоем с сестрой Соней, мама умерла через несколько лет после аварии, муж — в 2007 году. Вот и рада всем, кто заходит, — хоть не скучно. А какая жизнь была бы на чужбине? У меня на шее четверо калек было: сестра — инвалид с рождения, маме семьдесят лет, муж-пьяница да свекровь.

После аварии нас отвезли в село Копылово Макаровского района. Хозяева дома, где нас поселили, хорошие были, приютили. Другим беженцам не так повезло: многих вообще не хотели пускать на по-

рог — мол, заразные, работу отнимают, дом. А мы до сих пор с хозяйкой, бабой Аней, переписываемся, дружим.

Уехали от нее зимой 1986-го, когда нам дали трехкомнатную квартиру в том же районе, в селе Грузском. Но квартира оказалась на втором этаже — для моих калек одно мучение. Перезимовали и весной вернулись в Куповатое, а вместе с нами еще 13 человек. Обошли заграждения, окольными путями добрались до своих домов. Нас много раз пытались выселить: просили, угрожали, но мы свои дома не бросили. Все друг другу помогали: мужики пешком за зону ходили продукты покупать. Первое время тяжело было, а потом все наладилось: свои овощи вырастили, кур развели. В администрации на нас рукой махнули и больше не трогали.

Сегодня в Куповатом живет 14 человек. По воскресеньям все село к нам с Соней в гости приходит: песни поем, телевизор смотрим. Денег хватает — я пенсию получаю 1400 гривен и Соня по инвалидности 3200. Заняться есть чем: за домом слежу, чтобы чисто все было, аккуратно, — не люблю беспорядок. Мама еще до аварии гектар земли нажила: я выращиваю картошку, огурцы, томаты, свеклу, капусту — все свежее, свое. На зиму запасы делаю, в погребах храню. Радиации здесь нет. В первые годы после аварии приезжали ученые, проверили и сказали, что у нас радиация ниже, чем в Киеве.

«Нас много раз пытались выселить: просили, угрожали, но мы свои дома не бросили. Первое время тяжело было, а потом все наладилось»

В доме у Анны Загороднюк чистота и порядок. Она всегда готова к приему неожиданных гостей. Чем угостить тоже найдет: картошка, огурцы и помидоры — все свое, с огорода, натуральное...

Село Куповатое, 30 км до ЧАЭС

В ПОРЯДКЕ ЭКСПЕРИМЕНТА МАРИЯ ИЛЬЧЕНКО, 78 ЛЕТ

— О взрыве и предстоящей эвакуации я узнала на третий день — глава колхоза нашептал. Хоть и говорили, что мы на пару дней уезжаем, я понимала, что так скоро не вернемся. Заранее с мужем собрали вещи, документы, деньги. Когда пришли машины, мы уже на тюках сидели. Закрыли дом на ключ и уехали.

Первые полгода скитались по домам в Копылове. Власти обещали, что к сентябрю для беженцев будет построено жилье. А я не верила и нелегально ездила в Куповатое картошку копать — готовила запасы на зиму. Перелезала через проволоку там, где кордона не было, потом через лес пешком шла около часа. Услышу людей — прячусь. Урожай собирала и в погреб относила. И не зря.

В сентябре дома для беженцев действительно достроили, но поселили по три семьи в один дом. Мы месяц так прожили, я не выдержала и сказала мужу: давай поедem к себе. С нами еще несколько семей в Куповатое вернулись. Через месяц появилась на пороге милиция, хотели нас выселить, но не получилось. В итоге нам разрешили остаться при условии, что мы станем участниками эксперимента: будем есть только то, что сами вырастили, пить воду и раз в год сдавать кровь. Пять лет ученые проверяли, как небольшие дозы радиации влияют на человека.

В Куповатом действительно «чисто» было. Кошки котят рожали на вид здоровых: голова, хвост, четыре лапы. Да и мы себя прекрасно чувствовали — все анализы были в норме, врачи ничего не нашли. В 1993 году, когда нам официально разрешили здесь жить, раз в неделю стала приезжать машина с продуктами, а раз в месяц привозили пенсию, зимой выдавали газовые баллоны. Год назад все это перестали делать: якобы денег на бензин нет. Мы ждали, ждали, а в июле 2015 года собрались селом, сели в маши-

Марии Ильченко не было 50 лет, когда случилась черныбыльская авария. Тогда она работала в колхозе, копала картошку. Прошло 30 лет. Колхоза нет. А поле осталось. И Мария продолжает выращивать на нем картошку.

Урожай семья Ильченко собирает каждый год. Картошка крупная, отборная.

ну соседа Васи и поехали прямо в Чернобыль. Без стука вошли в кабинет главы администрации зоны, и я ему все высказала. Что и за свет плачу, и продукты в автолавке втридорога покупала — там как раз цена за бензин и была заложена. Написали заявление, а потом зашли в магазин в Чернобыле, с директором поговорили. Он расчувствовался и обещал за свой счет возить продукты. Но не пришлось: администрация все-таки запустила автолавку.

Сколько в зоне живем, все время пытаются выселить. Не дают нам, старикам, спокойно провести последние годы. Вот такая жизнь — в постоянной борьбе.

«Нам разрешили остаться на условиях эксперимента: есть только то, что сами вырастили, пить воду и раз в год сдавать кровь»

Куповатое, по сравнению со многими другими селами зоны отчуждения, выглядит вполне обжитым

Ивану с женой было куда и ради чего возвращаться. Просторный новый дом они построили и отделали перед самой аварией. А пожить в нем довелось не сразу. Полгода семья скиталась, и дом стоял закрытым

СЧАСТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ ИВАН ИЛЬЧЕНКО, 79 ЛЕТ

— Жена у меня бойкая всегда была: если что решит, своего добьется. Сказала: возвращаемся, — и мы вернулись. Я ее люблю, поэтому не сопротивляюсь. Что мне без нее делать? Я в Куповатом родился, здесь отцовский дом, а прямо перед аварией мы еще один дом построили, ремонт сделали. В него и вернулись, зажили как прежде, своим хозяйством.

Потом уже, когда в зоне жили, нам дали квартиру в Обухове. Я бы, может быть, и уехал в город, но тогда младший сын Игорь из армии вернулся. Он молодой, ему семью заводить, работу искать. Понятно, что ему в городе жить надо. Мы квартиру на Игоря и оформили, а сами здесь остались. Старший сын Юрко с семьей в Киеве живет, в маленькой квартире с двумя детьми — к нему тоже не переедешь. Зато они к нам с радостью приезжают и внуков привозят. По хозяйству не помогают: что возьмешь с городских жителей. Но нам и не надо, мы сами справляемся. Еще и им помогаем деньгами.

Я до аварии на тракторе работал, жена — в колхозе. Пенсии у нас хорошие: 2300 и 1400 гривен. Тратить здесь их особо не на что, поэтому собираем и детям отдаем. Им нужнее. А нам здесь хорошо живется, на свежем воздухе. Природа красивая, благодать. Летом и осенью в лес по грибы ходим. Говорят, грибы есть нельзя, а мы едим — и ничего, здоровы. Сюда радиация не достала, сберегла наш клочок земли.

«Старший сын Юрко с семьей в Киеве живет, в маленькой квартире с двумя детьми — к нему не переедешь. Зато они к нам с радостью приезжают и внуков привозят»

Село Парышев, 18 км до ЧАЭС

**РАДИОАКТИВНАЯ ПИЛЮЛЯ
ИВАН СЕМЕНЮК, 80 ЛЕТ**

— Мы с женой живем здесь так же, как и до взрыва: кур разводим, выращиваем овощи, дом потихоньку ремонтируем. Я ловлю рыбу в реке Припять. Тут водятся линь, окунь и карась. Все это чушь, что нельзя местную рыбу есть! А в Киев откуда она попадает? Отсюда же, из Припяти, через Киевское водохранилище в Днепр. Как видите, мне уже 80 лет, а я здоров как бык!

До взрыва я работал строителем. Нас эвакуировали в село Бородянки, и там меня сразу сделали главным прорабом: нужно было быстро построить 12 домов для переселенцев. Мы добротные дома отгрохали: из цельных брусьев, с погребом. Туда расселили большие семьи, а мы с женой вдвоем были, и нам дали квартиру в захудалом доме: электричество через день, в окнах щели, пыль кругом. У меня в груди постоянно болело, как будто пуд соли сверху положили. Ходил по врачам, они ничего не нашли. Потом я устроился охранником в Чернобыль, где и проработал 15 лет. Ездил на сутки и обратно. И вот заметил: как в Чернобыле ночью — дышится легче, возвращаюсь в Бородянки — опять задыхаюсь. Поэтому в 1988 году, как только в Парышеве разрешили вернуться, мы собрали вещи и переехали.

Сейчас в Парышеве нас трое: мы с женой и еще баба одна в соседнем доме. Она нелюдимая, с головой что-то не так: всех прогоняет, из дома почти не выходит. Но мы и не лезем к ней. Рядом у нас пожарная часть и лесничество. Ребята оттуда помогают, дрова привозят бесплатно. Я им бутылочку домашнего вина дам — и в расчете. Вино делаем из собственного винограда. Продукты лесникам привозят, поэтому к нам машина еще ходит. Но знаю, что в соседних селах сложно с этим. Так что нам повезло с расположением. Все хорошо, только продукты в автолавке дорогие. За раз можно 300 гривен оставить. Пенсия у нас 2500 гривен на двоих, а ведь еще за свет надо заплатить, дрова купить. Но мы не жалуемся, главное, чтобы здоровье было.

«Все это чушь, что нельзя местную рыбу есть! А в Киев откуда она попадает? Отсюда же, из Припяти, через водохранилище в Днепр»

Раньше приезжали из экоцентра, измеряли уровень радиации в колодце, продукты проверяли и нас осматривали. Сейчас уже никто не ездит. Скорой помощи вообще нет. Я недавно разжигал печь и сильно ногу опалил. Дохромал до пожарных, они отвезли к врачам в город. А так мы не боеем. Если что случится, дети лекарства привозят... Каждый раз предлагают нас забрать в Чернигов — сыновья там живут, но мы отказываемся.

Во дворе у Семенюков стоит печка-буржуйка. Она выручает, когда с электричеством проблемы. Ивану с такой печкой привычно. Он с ее помощью даже тушит капусту, выращенную на собственном огороде

После возвращения в родной дом жизнь не сразу наладилась. Администрация зоны отчуждения намеревалась выселить Ивана и его жену из Парышева, но супруги отказались уезжать. Боялись только, что их дом подожгут, чтобы некуда было деваться. Были якобы такие случаи у соседей. Но Иван дежурил по ночам и надолго из дома не уходил

20 последних лет жизни Розалия провела в одиночестве: кроме нее во всем Залесье не осталось ни одного жителя. Ни магазинов, ни электричества. Питалась тем, что выросло в огороде

Село Залесье, 15 км до ЧАЭС

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА РОЗАЛИЯ ОТРОШКО, 84 ГОДА

— После аварии в Залесье много людей вернулось, но через десять лет никого не стало. Кто-то умер от старости, кто-то уехал, потому что жить здесь невозможно. А мне деваться было некуда, живу тут одна уже 20 лет. Электричества в Залесье нет, магазинов тоже, да и автолавка сюда не приезжает: из-за меня одной никто бензин тратить не хочет. Мой дом в 20 минутах ходьбы от дороги, а тропинка заросла...

Я работала учительницей украинского языка и литературы. Преподавала в залесской школе. Когда случилась авария, нас всех вывезли в Бородинский район, где строили село Новое Залесье. А я без документов оказалась — забыла дома. Меня успокоили, мол, потом вернешься и заберешь. В Бородинках учителей распределили по школам, меня взяли без трудовой книжки. Квартиру дали, а я отказалась: надеялась, что вернусь домой. Жила у старушки одной, ухаживала за ней. Школьных часов становилось все меньше, денег не платили, а трудовую так и не сделали. Я уволилась и поехала в Мироновку — большой город. Но меня без трудовой оформить отказались. Ничего не оставалось, как вернуться в Залесье за документами. Солдаты с КПП привезли меня домой, а дома пусто. У меня была большая библиотека: книги растащили, а вместе с ними и документы. Поехала в городскую администрацию в Чернобыль, а там сказали, что все зараженные бумаги утилизировали и восстановить трудовую не выйдет. Никто разбираться не хотел, и ехать мне было некуда. Так

и осталась в Залесье. Сама печку смастерила, да неправильно — вся копоть в дом пошла. Разобралась, в чем ошибка, свою печь уже не переделывала, но соседям хорошие построила. Так пять лет и ездила, самоселам печи восстанавливала. Они мне копеечку подкидывали, помогали. Потом участковый сжался надо мной и устроил работать в милицию. Два года я переводила дела с русского на украинский язык, а потом меня выгнали. Пенсию нормальную как эвакуированная получить не могу, платят самую маленькую.

Когда помоложе была, от дома пешком до дороги доходила, а там кто-нибудь обязательно подвозил до города. А сейчас уже не могу — далеко. И жаловаться некому, семьи нет. Вот так и живу одна в доме. Сил только на огород и хватает: кукурузу выращиваю, свеклу, огурцы. Груши и яблоки с земли собираю — залезть на дерево не могу.

Единственная радость — старые газеты, журналы, пара книг — все, что осталось в доме. Лесничий в гости заходит, недавно радио подарил, чтобы не так мне тяжело было. Приемник хоть плохо, но работает, слушаю, что в мире происходит. Стихи сочиняю — очень люблю поэзию.

Туристы заезжают, всегда привозят продукты. Мне так стыдно, что как попрошайка живу, а делать нечего. И все равно, какая бы тяжелая жизнь ни была, я никого не виню. Каждый день глаза открываю и благодарю Бога, что проснулась.

***

Вскоре после встречи с «Вокруг света», 5 декабря 2015 года, Розалия Ивановна, единственная жительница Залесья, скончалась во сне. Ее обнаружил лесничий, который привез старушке дрова. ☹

Розалия Отрошко окончила Киевский государственный университет им. Тараса Шевченко. До аварии преподавала в залесской школе украинский язык и литературу

«Мне так стыдно, что как попрошайка живу, а делать нечего. И все равно, какая бы тяжелая жизнь ни была, я никого не виню»

Чем ближе к Припяти, тем меньше людей и тем больше растительности, поглощающей все вокруг: разрушенные дома с выбитыми стеклами, асфальт на дорогах — там, где он еще остался. Здесь никто не живет, никто не ловит рыбу, никто не ест яблоки. А яблони все продолжают цвести по весне, а осенью ронять плоды на дороги, по которым никто не ездит...

Там, где уже нет людей, в полуразрушенных домах сохранились вещи «дочернобыльской» эпохи

Семь лет назад, к 23-летию трагедии на Чернобыльской АЭС, на выезде из Припяти был установлен и освящен православный крест